

«Моск. худож. музей», 1976, 19 апрель

Умер Виктор Никитич Лазарев — крупнейший историк древнерусского, византийского и западноевропейского изобразительного искусства, один из видных деятелей современной отечественной и мировой художественной культуры. Заслуги В. Н. Лазарева перед наукой общеизвестны: он выразитель целого этапа современного искусствознания, автор многих его фундаментальных идей и направлений, деятельный участник советского музейного строительства, педагог, создавший солидную научную школу.

Это был человек необычайно гармонического внутреннего склада, и, быть может, в этом секрет его неотразимого влияния на всех, кто с ним соприкасался, в особенности на его многочисленных и, увы, уже более односторонних учеников.

Завидная цельность отличала отношение В. Н. Лазарева прежде всего к задачам историка искусства. С одной стороны, В. Н. Лазарев — один из самых строгих блюстителей или «жрецов» научно-исследовательской традиции — достаточно видеть его обширнейшую библиотеку или познакомиться с научным аппаратом его статей и книг, где он выступает целеустремленным, а иногда и педантичным полемистом. Но одновременно его всю жизнь тянуло и к непосредственно-личному общению с живым искусством. Эта тяга отправляла его в непрерывные путешествия по старинным городам России — центрам древнерусской стенописи и иконописи, и, разумеется, он использовал малейшую возможность, чтобы обновлять свои персональные впечатления от памятников Византии или Западной Европы.

И такая же всеохватность в самой его деятельности ученого! В. Н. Лазарев всю жизнь руководил научными коллективами, основывал ли он совместно с И. Э. Грабарем Институт истории искусства или заведывал кафедрой на искусствоведческом отделении Университета. Он чувствовал свою ответственность за судьбы

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

художественной культуры и тогда, когда исследовал и пополнял коллекцию картинной галереи Музея изобразительных искусств, и тогда, когда редактировал коллективную «Историю русского искусства» и темпераментно спорил с ее авторами. И вместе с тем В. Н. Лазареву, как никому, удалось создать из себя кабинетного ученого в самом лучшем смысле этого слова. Поистине поразительной была его работоспособность за письменным столом, где его буквально не было видно за горами бумаг и книг.

Наконец, не такое ли же равновесие характеризовало и само его отношение к миру? В. Н. Лазарев был человеком почти стоической принципиальности в своих нравственных решениях и поступках. Какие-либо внешние обстоятельства или, тем более, давление не изменяли его сложившихся суждений о людях, и это в равной степени касалось и его современников, и тех художников прошлого, о которых он писал. Он не менял своих человеческих привязанностей и тогда, когда у других недоставало на это мужества. Не изменил он когда-то своего мнения о Феофане Греке, когда из-за этого откладывалась его уже готовая и набранная книга. И вместе с тем его принципиальность уравнивалась великодушным жизненным, открыто-радостным притяжением жизни и увлечением ее поэтическими и праздничными сторонами! Кто не знал заражающей веселости Виктора Никитича, когда он увлекательно-сочно и с юмором умел рассказать о людях, с которыми был знаком, например, об А. М. Эфросе или Л. Вентури, и о тех, кого знал по книгам — Адриане Браувере или Габриэле де Сент-Обане. В этих его рассказах — и устных и письменных — царила атмосфера превосходного человеческого равенства, целиком свободная от отношения снизу вверх, как это бывает, когда на великие фигуры взирают с благоговением, или

сверху вниз, как это случалось у искусствоведов 20—30-х годов, любивших указывать художникам прошлого на их историческую ограниченность.

Но, пожалуй, наиболее важна у В. Н. Лазарева, как и у всего поколения или, вернее, типа ученых, к которому он принадлежал, живая нерасторжимость научного и собственно человеческого пафоса, его величайшее уважение к традициям гуманитарной культуры, от которой, к сожалению, отступают теперь в мировом искусствознании целые научные направления. Как раз эта особенность и лежала в основе гармонической цельности его облика и в какой-то мере обособляла его от искусствознания всего наступающего периода — периода все более дифференцированных дисциплин и отсюда — более специализированных индивидуальностей. Все, кто знал Виктора Никитича Лазарева, сойдутся на том, что само его присутствие было благотворным противовесом этой неумолимо надвигающейся дифференциации, когда служение научной традиции нередко обособляется от живого восприятия искусства, а способности к руководству — от потребности в накоплении «кабинетных» познаний. И вместе с тем В. Н. Лазарев с его единством научных и человечески-нравственных устремлений оказывал серьезное стабилизирующее воздействие на существующие научный или даже нравственно-научный уровни, которые, если их специально не поддерживать, имеют, как известно, самопроизвольную тенденцию к понижению.

Не это ли ощущали те многие множества московских искусствоведов, которые пришли проводить Виктора Никитича Лазарева на старинное Ваганьковское кладбище, где отныне будет могила этого всеми любимого человека.

Г. ПОСПЕЛОВ.